

самовластно Комитет сменил мэра города Парижа - Паша. Анахарсис Клоотс был уже арестован 8 нивоа (28 декабря) под тем предлогом, что он наводил справки, не находится ли имя одной дамы в списке «подозрительных». Леклерк, друг коммуниста Шалье, приехавший в Париж из Лиона, и сотрудник Жака Ру, был замешан в то же дело.

Правительство торжествовало.

Настоящие причины этих арестов в крайней партии до сих пор остаются неясными. Не составляли ли эбертисты заговора, чтобы захватить власть при помощи «революционной армии» Ронсена? Это возможно, но ничего достоверного на этот счет не известно.

Арестованные эбертисты немедленно предстали перед Революционным трибуналом и правительство не постыдилось устроить то, что тогда называли «амальгамой», т. е. включило в один и тот же процесс банкиров и немецких агентов, вместе с такими людьми, как Моморо, который уже в 1790 г. отличался своими коммунистическими воззрениями, и безусловно, все, что имел, отдал революции, или бедняк Леклерк, друг Шалье, Эбер и Анахарсис Клоотс - «оратор рода человеческого», который уже в 1793 г. предвидел республику всего человечества и имел смелость говорить о ней.

4 жерминаля (24 марта) после процесса для формы, продолжавшегося три дня, всех гильотинировали.

Легко себе представить, каким праздником был этот день среди роялистов, которыми Париж был переполнен. На улицы высыпали толпы «мюскадэнов», одевавшихся в самые невероятные наряды, и они преследовали приговоренных своими насмешками и оскорблениями, пока тех везли на казнь, совершившуюся на Площади революции. Богатые господа платили шальные цены за места возле гильотины, чтобы вполне насладиться казнью Эбера, издателя газеты «Pere Duchesne». «Площадь обратилась в театр, - писал Мишле, - и вокруг нее был род ярмарки; массы веселой публики гуляли на Елисейских полях между палаток и лавочек». Народ, мрачный, не показывался. Он знал, что в этот день убивали его друзей, что революции наносят смертельный удар.

Шометта гильотинировали несколькими днями позже, 24 жерминаля (13 апреля), вместе с епископом Гобелем, тем самым, который отказался от своего сана, причем выставленное против них обоих преступление было неверие. Робеспьер и его партия явно заискивали у буржуазии в надежде продлить революцию. Вдова Демулена и вдова Эбера были включены в ту же группу жертв гильотины. Мэра Паша не решались казнить, но Комитет общественного спасения сменил его и заменил ничтожеством, Флерио-Леско, а Шометт был сперва заменен Селье, а потом Клодом Пайяном, человеком, вполне преданным Робеспьеру. В угоду своему патрону он больше заботился о «верховном существе», чем о парижском населении¹.

Таким образом Комитеты общественной безопасности и общественного спасения окончательно взяли верх над Парижской коммуной. И так заканчивалась борьба, которую выдержал этот очаг революции, с 9 августа 1792 г. по 13 апреля 1794 г. против официальных представителей централистской революции. Коммуна, служившая вместе со своими секциями в продолжение 20 месяцев выражением парижского народа и маяком для революционной Франции, обращалась теперь в орган государственного чиновничества.

После этого конец революции, очевидно, был уже близок. С Пашем и Шометтом исчезли из революции два человека, которые олицетворяли в глазах народа *народную революцию*. Когда делегаты, присланные департаментами, чтобы заявить свое согласие на июньскую конституцию 1793 г., приехали в Париж, их поразил демократический характер столицы². Мэр, «дяденька Паш», писали они домой, приходит в Коммуну из деревни пешком, принося с собой свой хлеб; Шометт, прокурор Коммуны, «живет в одной комнате со своей женой, которая сидит и чинит что-нибудь. Кто бы ни постучал, ему отвечают: «Входите!» Совсем как у Марата». Эбер, товарищ прокурора Коммуны, и «оратор рода человеческого», т. е. Анахарсис Клоотс, все одинаково доступны. Этих людей теперь отняли у народа

¹ В силу закона 14 фримера, которым установлено было «революционное правительство», взамен прокуроров коммун, выбиравшихся народом и представлявших органы самоуправления, были введены *национальные агенты*, назначавшиеся Комитетом общественного спасения. Шометт был тогда утвержден в своей должности и стал таким образом «национальным агентом», т. е. правительственным чиновником. В тот день, когда Комитеты решили арестовать эбертистов, т. е. 23 вантоза (13 марта), Комитет общественного спасения внес в Конвент новый закон, который позволял ему сменять людей, избранных коммунарами, и заменять их чиновниками, назначенными им самим. Конвент, конечно, принял этот закон, и, пользуясь им, Комитет сменил Паша и назначил на его место своего человека, Флерио-Леско.

² Anacnarsis Cloutz par Avenel, vol. II, p. 168-169.